

ГОРЕ ТОМУ, КТО НАЗОВЕТ СЕБЯ ВЛАДЕЛЬЦЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

Модест Колеров

Модест Колеров — кандидат исторических наук, главный редактор информационного агентства REGNUM, бывший начальник управления президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (2005–2007), действительный государственный советник первого класса. Автор, составитель и издатель книг «Особая папка» Л. П. Берии: 1946–1949. Каталог документов; «Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», «Национализм. Полемика 1909–1917», серий «Исследования по истории русской мысли», «Русский сборник: исследования по истории России» и др.

За спором об истории советского периода стоит целенаправленная, системная, давно стартовавшая историческая политика стран так называемой «новой Европы». Эта политика преследует цели не идеологической, а государственной борьбы, направленной против России. Никаких идей в подтексте этой борьбы нет, ничего — кроме государственной конкуренции.

В России же идеологическая борьба вокруг советской истории не новость

сегодняшнего дня. Идеологическая борьба ведется давно. В свободном пространстве она ведется последние лет двадцать, особенно остро после 1991 года, когда стало возможно разнообразие публичного исторического исследовательского творчества. В начале 1990-х годов в России на деньги разнообразных западных фондов выходили самые непредсказуемые учебники для школы и пособия для учителей, в которых актуализировались, в общем-то, старые антиимперские и русофобские штампы: всё связанное с католическим, западным и либеральным влиянием — хорошо, а всё связанное с православием, государством и традиционными ценностями — плохо. Такие штампы — это инструменты оппозиционной либеральной интеллигенции и их западных союзников.

Советская история удобна для трактовок со стороны современных поколений — большинство ныне живущих полагают, что они в ней специалисты, поскольку они в ней жили. Но и это представление наслаивается на старые штампы.

О Сталине на моей памяти жарко, но, правда, на кухнях, спорило поколение моих родителей. В идейном смысле ничего нового сейчас эти споры не привносят. Тема скрытой реабилитации Власова — это старая, шестидесятилетняя давности, тема русской эмигрантской публицистики. Сама тема Власова — предмет весьма детализированной русской науки. Вряд ли спор о Власове, реабилитированный в последние двадцать лет в России недоучками, действительно имеет в виду идейные или исторические задачи. Налицо лишь попытка присосаться, приклеиться к давним спорам для того, чтобы как-то оправдать собственное бессилие и безумие.

У нашего государства нет позиции в отношении нашей собственной истории. В этом есть как позитивные моменты, так и негативные. С одной

стороны, у государства должен быть некоторый консенсус касательно исторического прошлого, иначе возникает проблема с идентичностью. А с другой стороны, государство не должно заниматься выяснением научной истины, это дело профессионалов.

Тогда же, когда государство законно начинает беспокоиться о том, что исторические споры становятся инструментом внешнего давления на Россию, на власть и на общество, **у нашего государства не хватает компетенции, чтобы сформулировать адекватные подходы к историческим темам.** Например, в последние полтора-два года наши противники на Западе поставили задачу актуализировать пакт Молотова — Риббентропа, в том смысле, что именно он якобы стал истинной предпосылкой Второй мировой войны. Наше государство с бюрократической точки зрения адекватно на это отреагировало, включив борьбу с такого рода спекуляциями, как и с попытками реабилитации нацизма в Европе, в перечень задач президентской комиссии по борьбе с фальсификациями истории.

Но юмор ситуации состоит в том, что в состав комиссии был включен академик Чубарьян, который в период создания комиссии издал книгу, главное содержание которой сводится к тезису о том, что путь к катастрофе начал пакт Молотова — Риббентропа. Не «мюнхенский сговор», положивший начало разделу Европы, а Сталин. Можно напомнить и о том, что именно под редакцией Чубарьяна вышла книга, в которой от имени Российской академии наук была признана «оккупация» Прибалтики Советским Союзом.

Тем временем наш МИД, споря с польскими властями о Катини, ссылается на авторитет Чубарьяна.

Это значит, что бюрократические решения недостаточны. Наша историческая наука за истекшие двадцать с лишним лет находилась в состоянии выживания, вынужденная использовать иностранные гранты.

Именно поэтому китаеведы изучают Китай на китайские гранты, полонисты изучают Польшу на польские и т.д. **В исторической науке на ведущих академических позициях сейчас стоят те, кто за последние двадцать лет несколько раз «сменил вехи» от коммунизма к патриотизму, от либерализма к консерватизму, кто по определению прошел большую школу предательства.** Ждать от них принципиальной идейной борьбы против фальсификаций не приходится.

При этом государство, разумеется, никак не должно влезать в конкретные исторические темы. Государство должно всей силой, в том числе и силой комиссии против фальсификаций, отсекают и преследовать попытки политических спекуляций на исторических дискуссиях. А думать о конкретной интерпретации Октябрьской революции, сталинизма и т.п. должны историки, вечная, коллективная, свободная историческая наука, а не чиновники или, вернее, их должности, которые сегодня есть, а завтра нет.

Смешно полагать, что если государство как-то проинтерпретировало Октябрьскую революцию, то ее содержание изменилось. Октябрьская революция разрушила государство, уничтожила общество, развязала массовый кровавый террор и Гражданскую войну. Какими бы идеями ни подпитывались господа революционеры, результаты их деятельности известны. Но и государственное перерождение репрессивно-коммунистической власти при Сталине тоже очевидный факт. Хрущев — весьма специфический руководитель, но достижение при нем ядерного паритета между СССР и США было, безусловно, в государственных интересах. Брежнев все, кто застал его, поднимали на смех, но то, что мы до сих пор живем благодаря его нефтегазовой политике, тоже факт.

Защита интересов государства всегда добровольный грех конкретных лиц, подчиняющих свою личность и совесть общему делу. А государство должно защищать общественную стабильность, безопасность и справедливость. И я не живу, и мои дети не живут ради того, чтобы какой-нибудь Сергей Ковалев заигрывал с террористами, прятался у них в бункере и так реализовывал свою либеральную паранойю — только лишь потому, что его обидела советская власть. **Государство — либеральный «ночной сторож» при обществе — должно быть эффективным «сторожем» и при тех, кто мнит себя носителем исторической правды.**

Государство должно, на мой взгляд обычного историка, гарантировать историку свободу исследования, в том числе свободу от подкупа, свободу от ангажемента и партийной паранойи. Исполняя же свои общенациональные задачи, государство должно четко различать, где в истории — преступления, преступная партийная и клановая борьба, а где — пробивающиеся через все ужасы и безобразия интересы общества и государства. **Интересы государства не могут быть выше научной истины, но горе тому, кто назовет себя владельцем исторической правды. Его место — у психиатра.** Научная истина — абсолютная шкала оценки, равно противостоящая любым частным и национальным мифам. ■

Специально для РЖ

НАСЛЕДНИКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

АЛЕКСАНДР ШУБИН — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН, в 1997–1998 годах работал советником в аппарате правительства РФ. Автор книг по истории СССР, социалистического движения и международных отношений, последняя из которых «Великая депрессия и будущее России» (М., 2009).

Специально для РЖ

История советского периода была предметом острой политической дискуссии с начала Перестройки. Ведь советский проект — это некая альтернатива капитализму и глобальной вестернизации, и потому является важнейшим полем борьбы смыслов.

В последнее время наше государство оказалось под огнем критики как своеобразный наследник советского режима. Хотя государственные органы РФ всегда подчеркивали, что идеологической преемственности не существует. **Нынешняя власть пытается, сохранив антикоммунистичность своей идеологии, предстать преемницей советских достижений, что придает полемике новую остроту и усложняет расстановку сил.** В силу некоторой некомпетентности чиновников в области исторического знания, удалось втянуть официальных российских лиц в эту дискуссию на невыгодной позиции.

Начало этому процессу положил проект резолюции ПАСЕ с осуждением «тоталитарного коммунистического режима». Однако, уже на этом этапе нам удалось одержать некоторые победы, блокировав вульгарно-либеральные рекомендации, вытекающие из резолюции. Этот опыт был использован и для противо-

действия раздуванию «исторических» конфликтов с Украиной и Прибалтийскими странами. В результате диалога историков неожиданно началось сближение позиций. В итоге, **политики, которые пытались использовать историков для решения своих задач, начали от них дистанцироваться.** Сегодня, например, позиция официальных лиц Украины сильно расходится с позицией ведущих украинских историков. На последней встрече с литовскими историками мы достигли взаимопонимания по достаточно острым проблемам, включая и понимание литовской стороной того, что у СССР были прагматические мотивы даже при заключении пакта Молотова — Риббентропа.

С одной стороны, возможность одерживать победы стимулировала чиновников к тому, чтобы предпринимать самостоятельные атаки уже и без консультаций с историками. Вся эта ситуация поляризовала общественное мнение стран, граничащих с Россией и имеющих к ней исторические претензии. Но в целом на официальном уровне обсуждение исторических проблем стало менее истеричным, чем в начале XXI века. ■